

Глава 3. Брайан

Утро в пансионате началось как обычно: первыми поднялись пунктуальные туристы из Германии – тихо собравшись, они неспешно спустились во двор и унесли свои пивные брюшка на прогулку по парку и пабам, откуда теперь вернутся лишь к вечеру. Немного погодя проснулись итальянцы – еще не пожилая супружеская пара с нижнего этажа. Судя по звукам, доносившимся с стороны их номера, день у них начинался самым обычным образом, а значит столь же предсказуемым будет и то обсуждение их нравов, которым займутся их соседи, когда соберутся за утренним столом. И можно будет не сомневаться, что их инвективы окажутся поданы такими же нравственно выхолощенными и обильно приправленными специями эвфемизмов, как выпотрошенные и обжаренные в муке караси, которыми славилась кухня ресторана: "Ах, сэр, вы совершенно правы – эти итальянцы слишком молодые, чтобы жить в одном отеле с порядочными людьми!"

Еще через пять минут у старичка испанца, проживающего наверху и напоминающего своим лицом епископа без епархии, опять что-то свалилось с тумбочки – наверное, потянулся за челюстью своей сухой, старчески пигментированной рукой. Это значило, что минут через двадцать можно спускаться в ресторан, где постояльцев будут поджидать аккуратно разложенные ароматные булочки, на столике в центре окажется благоухающий заварник с горячим кофе, а хозяева – подвижный семидесятилетний старичок и его супруга – затеют рутинную суету на обширном дворе гостиницы, распорядясь прислужкой и принимая гостей.

Застучали двери в остальных комнатах, зашумели шаги в коридоре – пансионат пробуждался.

Это однообразие режима и линейная предсказуемость ежедневных событий были едва ли не главными достоинствами семейного пансионата, собравшего под свой кров ленивых туристов из стареющей Европы, уставших бездельников, желающих на неопределенное время отойти от суеты, пенсионеров среднего достатка, которым наскучили стены собственных домов, а также прочий люд, по тем или иным причинам предпочитающий скромное обаяние провинциальной гостиницы пафосному комфорту столичных отелей.

С момента прибытия сюда Брайана не прошло еще и недели, но он уже успел оценить всю прелесть этого места. В его положении он вряд ли мог мечтать о лучшем – тем более, учитывая поспешность, с которой ему пришлось покинуть предыдущее место жительства. Лишь случайность помогла ему оказаться здесь – спешно уезжая из города на попутной машине, он вышел на одной из остановок, чтобы перекусить в придорожном кафе, где услышал, как за соседним столиком расхваливают эту малозаметную семейную гостиницу, словно специально созданную для тех, чей банковский счет производит меньшее впечатление, чем собственный возраст, и для кого потребность в тишине важнее, чем список услуг, включенных в базовый тариф. Ни минуты не колеблясь, он тут же изменил курс, и через час уже договаривался с хозяйкой о номере.

Это был действительно подарок судьбы. Брайан хорошо знал – и как социолог, и по опыту последних месяцев своей жизни – насколько полезны случайные факторы в жизни скрывающегося от преследования. Поведение человека предсказать далеко не так сложно, как думают многие, однако когда в дело вступают непредсказуемые события, резко меняющие поведение преследуемого, любая ищайка надолго теряет след.

Брайан знал, что легче всего заботиться о своей безопасности, когда используешь как можно меньше лжи в собственной легенде. Поэтому он представился хозяйке как ученый, находящийся на длительном отдыхе с целью восстановления здоровья, которое подорвала работа над скучными абстракциями и отвлеченными вопросами. Эта самохарактеристика позволила ему уклониться от

ненужного любопытства и некоторых навязчивых знакомств, неизбежных в такого рода заведениях. В обеденном зале он обосновался за скромным столиком в самом невзрачном углу, а иногда, когда позволяла погода, выбирался в патио, где, гуляя по извилистыми полосками газонов, ощущал, как к нему постепенно возвращается спокойствие – в окружении густого лабиринта неухоженных кустиков его страхи преследуемого уменьшались, позволяя сосредоточиться на мыслях, отличных от той единственной, которая доминировала у него в последние несколько дней.

Иногда он оккупировал одну из уютных скамеек в каком-нибудь тупичке сквера, где не спеша тянул кофе, постепенно избавляясь от воспоминаний о своем бегстве. Первые сутки он боялся выйти из номера – не столько из-за страха обнаружить за дверью подстерегающих его силовиков, сколько из-за уверенности в том, что его настороженность неизбежно бросится в глаза обитателям пансионата, когда те обратят внимание на новое лицо в своем коллективе. Лишь когда его нервы пришли в порядок, он стал приучать постояльцев к физиономии нового жильца – интеллигентной, равнодушной, слегка усталой и вежливо-отстраненной. В общем, ему это удалось – его приняли в общество, не навязываясь в друзья и не напрягаясь от его присутствия. Похоже, он действительно не ошибся, выбрав это заведение.

Теперь можно было подвести некоторые итоги. Брайан знал, что прожить здесь он сможет полгода или год – вряд ли больше. Этот предел диктовали не столько финансы, сколько другие соображения – Брайан ни минуты не сомневался, что его преследователи рано или поздно обнаружат его присутствие здесь. Вопрос состоял не в том, сможет ли он задержаться тут дольше этого срока, а в том – сумеет ли он в следующий раз успеть обнаружить слежку за собой? До сих пор у него это получалось, но он отдавал себе отчет, что в этом была немалая доля везения. Финал противостояния дилетанта конспирации и профессионалов сыска был предсказуем.

После завтрака большинство постояльцев пансионата разбрелось по своим делам, осталась лишь парочка пенсионеров, предпочевших просмотр газет в тени тисовой аллеи. Наступившее спокойствие навеяло на Брайана воспоминания о прошлом.

Каких-то полтора-два года назад он жил спокойной жизнью неприметного ученого: Брайан Насу, когнитивный лингвист и социолог, преподаватель в провинциальном университете и, в свободное время, специалист по изучению влияния социальных метаморфоз на лингвистические паттерны в современном языке. Как и прочие сотрудники кафедры, он периодически публиковал какие-то статьи, однако большой известности они не приносили, поскольку выполняли одно-единственное назначение – поддержание собственного статуса, согласно ролевым требованиям, принятым в их среде. Впрочем, эта среда не ограничивалась тем, что накладывала ряд формальных обязательств, иногда она еще предоставляла некоторые бонусы. В частности, посещая конференции, ему удалось познакомиться с парой-тройкой авторитетных людей – известных в своей области профессионалов. Сперва Брайан, начисто лишенный честолюбия и карьерных устремлений, не оценил перспективы этих знакомств, но однажды наступил момент, когда они оказались ему очень кстати.

Дело было в работе, которой Брайан занимался все свободное от кафедры время. Изучая корреляцию изменений языка с событиями, вызывавших в социуме волны многоплановой реакции, он столкнулся с интересной зависимостью, которая для всех остальных казалась банальностью и трюизмом... каковой, в сущности, и являлась с привычной стороны рассмотрения. Влияние на языковые паттерны тех или иных технологических прорывов, социально-экономических потрясений, культурных пертурбаций и прочих событий считалось само собой разумеющимся фактом. Эта зависимость была для всех настолько тривиальной, что казалось бессмысленным задаваться вопросом: что в этих метаморфозах является причиной, а что – следствием.

Брайан работал в провинциальном заведении, не обладал репутацией именитого ученого, поэтому абсолютно ничем не рисковал, в том числе собственной самооценкой, когда поставил перед собой

задачу проанализировать временную составляющую динамики изменений в составе языка, в его структуре и частоте используемых лексем среди различных групп его носителей. Он положил эти события на ту же временную шкалу, на которой отражался порядок разворачивания событий, считавшихся первопричинами и инициаторами этих языковых изменений.

Он сделал это, ведомый смутным ощущением ожидающего его сюрприза – и не ошибся. Впрочем, тогда он еще не мог предсказать, к чему его приведут обнаруженные закономерности. К тому, что изменения в языке начинались задолго до наступления момента события, считающегося “эпицентром возмущения”, Брайан был отчасти готов. Поразило его не это, а то, что после обработки скрупулезно собранных данных у него появилась надежда на обнаружение строгой связи между накапливающимися лингвистическими модификациями и теми событиями, которым они предшествовали и которые увенчивали своим укоренением в социуме после их фактического совершения.

Он набросал статью, в которой очертил базовые положения своей идеи, предполагающей, что лексический состав живого языка, его стилистика и непостоянные грамматические девианты отражают наступающие события, будучи связанными с ними определенной зависимостью. Из этого не делался вывод, что семантика, стилистика и синтаксические конструкции сами по себе формируют глобальные события. Скорее сам язык, как весьма подвижная и пластичная часть мироописания, первым ощущал готовность его носителей к наступающему событию, предвосхищая его не только подготовкой собственной структуры, но и влияя на те формы, которые это событие может принять. Как социолог, Брайан прекрасно знал, что абсолютное большинство событий, считающихся “спонтанными”, на самом деле предопределены процессами, протекающими в самом обществе – его технологическим прогрессом, динамикой его полит-экономической жизни, вручную регулируемые трендами моды и многими другими факторами. И чем крупнее и значимее были эти события, тем больше они были связаны с остальными процессами в обществе, без которых не способны были случиться – и в числе этих процессов динамика языковых изменений занимала далеко не последнее место.

К сожалению, он не ограничился публикацией этой статьи. Разработка этой концепции заняла немало времени, в основном из-за потребности в одиночку подготавливать огромную массу информационного материала, который затем нужно было скармливать написанной им программе для анализа и поиска корреляций. Однако в конце концов ему удалось сформулировать теорию и разработать на ее основе ряд инструментальных методик, способных подтвердить ее или опровергнуть.

При помощи этой технологии он рассчитал несколько форсайтов на материале анализа изменений в актуальных языковых паттернах, собранных в течение последнего года, выбрав в качестве исходных данных эволюцию языковых структур жителей собственной страны. Полученные предсказания он зашифровал ключом, доступность к которому была отложена до указанного в форсайтах периода (уровень разработки методики не позволял установить дату события точнее, чем с погрешностью в плюс-минус месяц). После этого Брайан разослал форсайты нескольким знакомым авторитетам, сопроводив их ссылкой на статью – он не сомневался, что она осталась никем не замеченной, как и большинство публикуемого материала, за которым не стоит чье-либо громкое имя.

Отправив эти письма, он стал с нетерпением ждать наступления указанного периода, продолжая выполнять на своей кафедре рутинные обязанности, излагая юным оболтусам прописные истины или факты, которые успели устареть еще до того, как те появились на свет. Время шло не так быстро как хотелось, но Брайан был согласен подождать – без доказательства предсказаний продолжать разработку теории он не хотел.

Он не без удивления обнаружил, что весь этот спонтанно возникший проект стал для него очень важным. Возможно, причиной было то, что в его жизни больше ничего интересного не происходило –

Брайан не разделял увлечений, принятых в его среде – ни спорт, ни путешествия, ни бахвальство собственным потомством его не привлекали, поэтому круг его общения был очень небольшой, а частота социальных контактов отнюдь не соответствовала названию той специальности, которая была написана на дверях его кабинета. Это было одной из причин, по которой он ни с кем не спешил делиться своей теорией, хотя молчать об этом проекте с каждым днем становилось все труднее, хотелось с кем-нибудь поделиться самой идеей – даже не с целью вызвать её обсуждение, а чтобы описать её многообещающие перспективы, или просто рассказать о том, как сильно она его захватила...

Брайан попытался поделиться своими идеями с женой. К сожалению, все эти попытки встретили с ее стороны абсолютное равнодушие. Впрочем, его не очень удивила такая её реакция – таково было ее отношении ко всему тому, что она считала хобби-без-отдачи. Жена Брайана была твердо убеждена в том, что заниматься нужно только тем, что имеет ощутимый эффект и может быть оценено в степени служебного роста, оценках окружающих, материальном профите или востребованности извне. Это позволяло ей легко подстраиваться под изменчивую конъюнктуру требований, быстро находить новые рабочие места и обзаводиться нужными покровителями для продолжения карьеры. В настоящий момент она также работала на одной из кафедр университета, где все свое время посвящала служебным обязанностям, организационным вопросам и конференциям, трудолюбиво умножая число своих публикаций и самозабвенно отдаваясь любой работе, которая увеличивала необходимость в ней самой в среде ей подобных. О собственных достижениях на этом поприще или периодически возникающих препятствиях на пути к своим рутинным целям она могла рассказывать часами – эмоционально и обстоятельно, будучи абсолютно уверенной, что для слушателей это представляет не меньший интерес, чем для нее самой.

С некоторых пор Брайан начал понимать, что она неосознанно стремилась к тому, чтобы рабочие вопросы не оставляли ей никакого свободного времени – её страшило оставаться наедине с самой собой, и она никогда не понимала склонность самого Брайана к уединению. Она никогда не понимала ценности *незанятого ресурса*, не знала, зачем он нужен и как его можно использовать, поэтому ее существование протекало исключительно в рамках той востребованности, которая была сформирована задачами, поступающими для нее извне. Для самого же Брайана свободное время было самым ценным в его жизни, поскольку именно оно позволяло ему самостоятельно находить задачи, над которыми можно было поломать голову, не потому что они были *нужны*, но – *интересны и важны* для него самого, вне контекста их применения. Не удивительно, что востребованность таких задач со стороны окружающих чаще всего была весьма сомнительной. Поэтому его не удивляло то, что его супруга относилась с нескрываемым равнодушием к тому, чему он посвящал свое свободное время – с ее точки зрения это была лишь игра в активность, а не полезная деятельность, это было развлечение профессией, а не практическое ее применение. Значения слов "прагматик" и "позитивист" она узнала от него, задав вопрос, ответ на который не оставил в ней ничего, кроме определений терминов.

Эта её индифферентность была привычной для Брайана, однако напряжение долгих месяцев, в течение которых он мучился от неизвестности, ожидая результатов – одновременно в нетерпении их получить и боязни ими разочароваться – все это настолько вымотало его, что он решил разъехаться с ней, предпочтя избавить себя от ежедневного давления на свою психику со стороны запредельной женской практичности и тотальной экстернальности в самоопределении.

Наконец календарь подошел к медиане вероятности предсказанных дат. Счетчик ожидания пошел уже не на дни, а на часы... И вдруг, одно за другим, предсказания начали подтверждаться! Новости посыпались изо всех источников – на взгляд любого обывателя это были самые обычные события в жизни страны, однако для того, кто ожидал их появления, они бросались в глаза, подобно газетным

заголовкам, набранным максимально возможным шрифтом и выделенным красным цветом. Это продолжалось в течение полутора недель – из четырех форсайтов три события подтвердились полностью, причем каждое из них попало почти в самый центр интервала, отведенного ему теорией Брайана. Это была несомненная победа – теория обрела подкрепление фактами, теперь ее можно было без опасений выносить на публику, изложив в полном объеме.

Эту неделю Брайан запомнил на всю жизнь – он едва ли не плясал в своей комнате, читая новостные ленты, в которых журналисты освещали животрепещущие события: *внезапный* технологический прорыв в одной наукоемкой области, *неожиданное* глобальное падение акций ряда промышленных компаний, а также *необъяснимый* геополитический конфликт между двумя странами, в одной из которых жил сам Брайан (этот кризис ему удалось предсказать с детализацией, удивившей его самого настолько, что у него вырвалась в свой адрес пара восторженных эпитетов, о которых ему потом было неловко вспоминать).

Он немедленно активировал ключи расшифровки форсайтов, связался со своими знакомыми и почти сразу же получил от них поздравления – все, как один, советовали Брайану не медлить с публикациями главной части теории, изложить детали и посвятить научный мир в нюансы этой удивительной технологии. Брайан поблагодарил их и сказал, что обязательно так и сделает, однако, чтобы публикация была достаточно убедительной, он к ее дате подготовит новые форсайты... Он уже оптимистически смотрел в будущее и видел там – персональную тему, целевые гранты, вместе с прочими атрибутами успеха, которые позволяют ученому расстаться с опостылевшей рутинной и сосредоточиться на любимом и по-настоящему интересном деле...

Как это часто бывает, находясь в экстагическом состоянии, в котором осторожность полностью утрачивается, и желая как можно убедительнее продемонстрировать свои успехи, Брайан не подумал о том, к каким последствиям это может привести.

Он почивал на лаврах не больше недели, отвечая на письма и принимая поздравления от коллег, многие из которых казались вполне искренними, когда внезапно ему позвонили из ФБР и предложили дождаться агентов, выехавших на его адрес. Будучи в эйфории от успехов, он не отнесся к этому звонку серьезно – время от времени эта организация обращалась к психологам и социологам за консультациями и помощью в своей работе. Ровно через минуту после звонка к нему постучались.

Три неразговорчивых джентльмена доставили его в бюро, где в большом скучном кабинете его обдали ушатом холодной воды: это ваше письмо с так называемым форсайтом? Отвечайте, откуда полгода назад к вам могла попасть информация высшего уровня секретности, которой, кроме президента, владело менее дюжины человек? Только просим вас об одном – не пытайтесь нас убедить в том, что вы сами из воздуха или из этой вашей “настойной аналитики” узнали те сведения, которые вы использовали столь остроумным способом для подтверждения вашей *гипотезы*. Давайте начистоту: если вы будете с нами сотрудничать, ваши коллеги ничего не узнают об этом подлоге в аргументации. Но вы обязаны нам честно рассказать о своих источниках в правительстве. Итак: кто вам слил информацию?

Это был не просто допрос – это был допрос того, кто в глазах допрашивавших без всяких сомнений являлся государственным преступником. Возможно, именно это спасло Брайана – его реакция изумления была столь неподдельной и очевидной, он был настолько ошеломлен тем переворотом своего положения, который произошел за считанные секунды, что это стало заметно даже для его инквизиторов. К сожалению, к этому времени конфронтация в их диалоге успела зайти слишком далеко, поэтому на вопрос Брайана: “Я арестован?”, ему ответили: “Нет. Но вы не имеете права никуда уезжать, пока мы не определим все каналы ваших информаторов”.

До этого мгновения Брайан думал, что произошла чудовищная ошибка, но тут он поймал себя на ощущении полного абсурда происходящего... Сейчас, вспоминая этот разговор, он понимал, что тогда

его спасло лишь искреннее удивление, позволившее ему выбраться из этого кабинета – на подгибающихся ногах, но собственным ходом и без сопровождения.

Его отпустили домой – морально убитого подозрениями, низвергнутого с пьедестала, на который он не успел забраться, но который был так близок и – по всей видимости – был им полностью заслужен. Но это был еще не конец. Придя домой, он застал следы обыска – все ящики были выпотрошены, их содержимое валялось посреди комнаты, с полок были сброшены книги, а собственноручно созданная коллекция 3D-миниатюр валялась едва ли не в прихожей. Этого уже он стерпеть не смог. В родных стенах к нему вернулось самоуважение, он вспомнил, что он, в конце концов, не государственный преступник, а Брайан Насу, уважающий себя ученый, имеющий право на неприкосновенность, на личную жизнь, на уважение, черт возьми!

Взбешенный, он выглянул в окно и увидел на противоположной стороне улицы черный дождь, который ранее никогда там не парковался. Сидящий в машине мужчина был демонстративно поглощен изучением своего смартфона. Даже сейчас, расслабившись в уютном плетеном кресле в самом глубоком уголке тенистого патио, Брайан до малейших деталей помнил те чувства, которые испытывал, наблюдая за этим человеком и начиная сознавать, что его привычной прежней жизни больше нет.

В критические мгновения Брайана никогда не подводила его голова. Пару часов ушло на то, чтобы обезопасить свои тылы – в первую очередь финансовые, затем ещё полчаса – на осторожные предупреждения самых близких друзей. После чего он собрал в рюкзак самые необходимые вещи и покинул свою квартиру навсегда, без труда уйдя от наблюдателей. Хорошему психологу есть что противопоставить оперативникам, особенно тем, которые недооценивают кабинетных гуманитариев.

С этого дня началась его жизнь на нелегальном положении.

Естественно, этим поступком он окончательно убедил следствие в том, что он виновен. Их прямолинейное мышление, которое он называл *ортологикой*, не оставляло никаких шансов на иные трактовки его поступка. Брайан понимал это, но также понимал, что его психика не вынесет повторения той беседы, которая состоялась в их кабинете.

В течение нескольких месяцев ему удавалось оставаться вне их зоны видимости, и он даже начал осторожно восстанавливать некоторые старые связи с теми из ученых, которым он продолжал доверять. Расставшись с надеждой на официальную карьеру, он тем не менее сохранил стремление довести до конца свою теорию, поэтому при любой возможности продолжал заниматься своим делом – уже без каких-либо надежд на возврат в научное сообщество, без надежд на публикации, без расчета на профит от результатов.

То ли у человека, за которым идет охота, пробуждаются древние инстинкты, включающие шестое чувство, то ли те, кто был ответственен за его поимку, на самом деле недооценивали Брайана, но слежку за собой он почувствовал быстрее, чем они успели воспользоваться ее плодами. Он не без сожаления оставил хорошее, хоть и недешевое, жилье в центре города – несмотря на свою аскетичную натуру и склонность к минимализму, Брайан ценил комфорт и чистоту. Впрочем, еще больше он ценил свободу.

Теперь, обосновавшись в этом пансионате, он решил, что пришла пора вернуться к работе. Найдя возможность подключиться к интернету по безопасному каналу, он проверил свой почтовый ящик и был приятно удивлен тем, что среди накопившейся корреспонденции оказалось два письма, зашифрованных и подписанных ключами, владельцы которых были Брайану хорошо известны – это были те люди, с которыми он намеревался как можно скорее связаться сам. Еще больше его удивило то, что эти письма, отправленные независимо одно от другого, своим содержанием оказались связанными друг с другом.

Первое письмо было от Тэда Пауэлла – хорошо известного и пользующегося авторитетом социолога, с которым Брайан вел интенсивную переписку в последние месяцы перед своим исчезновением. Пауэлл работал в столичном университете и был там на хорошем счету. Даже среди ученых коллег он считался большим эрудитом и энциклопедистом, охотно подсказывая им тот или иной материал или авторитетные референсы для включения в научные статьи (тем охотнее, чем выше его собственное имя могло оказаться в списке соавторов).

“Дорогой Брайан,

Надеюсь, что за время, прошедшее с нашего последнего обмена сообщениями, ваше положение не ухудшилось и вы по-прежнему сохраняете свободу и возможность поддерживать контакт с теми, кто верит в вас и ждет вашего возвращения в научную среду. Говоря это, я выражаю не только собственное мнение, но также и чувства людей, хорошо вам известных и принимающих большое участие в вашей судьбе. Ваше вынужденное отсутствие создает значительную лауну в научном мире, болезненность которой отнюдь не уменьшается от сознания ее временного характера – никто не сомневается в том, что справедливость восторжествует и ваше доброе имя будет восстановлено.

Прошу вас не расценивать вышесказанное как формальные эпистолярные реверансы – именно сейчас эти слова стоит понимать в их прямом и буквальном смысле. Вы знаете, что я никогда не был поклонником стилистических виньеток.

Дело в том, что ваши научные заслуги и наше личное знакомство обязывают меня поделиться с вами информацией, которая в данный момент строго ограничена небольшой группой специалистов, собранных для исследования одного лингвистического феномена. Несмотря на то, что этот проект курируется на самом высоком государственном уровне и допуск к нему строго ограничен ввиду чрезвычайной важности проблемы, я глубоко убежден в том, что скрывать от вас информацию об этом будет ошибкой – как минимум по двум причинам.

Первая из них – обстоятельства феномена. Они таковы, что большая часть нашего проекта неизбежно станет вам известной в ближайшее время (если еще не стала). Далее, для такого специалиста, каким вы являетесь, догадаться о том, что на изучении этого вопроса сосредоточены лучшие специалисты по лингвистике, социологии, психологии и математике, будет несложно. Поэтому нет никакого смысла (вопреки тому, что думают некоторые ответственные персоны) в той секретности, которая бы исключала посвящение вас в его суть.

И здесь мы переходим ко второй причине. Люди, которые курируют наш проект, однажды упомянули вас в контексте обсуждения тех, кого им хотелось бы привлечь к решению проблемы. Ваше имя не называлось прямо, но судя по некоторым обстоятельствам, упомянутым в беседе, у меня не осталось никаких сомнений, что речь шла о вас. Учитывая также, что при этом разговоре присутствовал не только я, можно сделать вывод, что большого секрета из этого они не делали.

Что касается самого проекта (я специально отложил его описание напоследок), то это задача настолько неожиданного характера, что мы до сих пор находимся на стадии разработки дорожной карты ее решения. В лаконичной формулировке: требуется произвести анализ текста, обладающего скрытым смысловым слоем, который невозможно установить и обнаружить никаким образом, кроме как по последствиям его усвоения в результате прочтения этого текста. К сожалению, без учета нюансов передать сложность и новизну задачи практически невозможно. Однако, если проблема вас интересует, я готов сообщить вам необходимые детали. Тем не менее, хочу напомнить, что в создавшемся положении наибольшую важность имеют не они, а ваша судьба.

Не забывайте, что каждый из нас может реализовывать свой потенциал ученого лишь до той поры, пока он сохраняет свою жизнь и условия для полноценного труда, поэтому воспользуйтесь удобным случаем и попробуйте поторговаться с известными вам людьми. Насколько я понимаю, этот проект для них достаточно важен, чтобы они могли принять ваши условия. Брайан, я уверен, что это – шанс, и вы его не должны упускать, учитывая обстоятельства, в которых вы находитесь последние несколько месяцев. Предлагаю вам обдумать это предложение и принять решение, которое позволит нам в ближайшее время сменить наше общение на давно ожидаемый очный формат.

С уважением, Тэд Пауэлл”

Еще не успев дочитать письмо, Брайан уже скептически улыбался, вспоминая образ Тэда – остроумного и общительного сангвиника, ценителя хороших вин и дорогих ресторанов, проводившего каждый свой отпуск в туристических поездках и путешествиях, где его подвижность разрывала шаблоны и стереотипы о людях пикнического телосложения. Но улыбался Брайан не потому, что вспоминал анекдоты, которыми славился Пауэлл в тесном кругу друзей, а потому, что во время чтения этого письма у него почему-то возникал еще один образ – серого человечка, очень похожего на того, который допрашивал Брайана, но стоящего теперь за спиной у Тэда и подсказывающего ему то, что нужно написать. Несмотря на то, что Брайан уважал Пауэлла и высоко ценил его научный авторитет, этот второй образ возникал в его воображении на удивление легко и обладал неприятно высокой реалистичностью.

Второе письмо было от старого приятеля Брайана, преподавателя компаративной лингвистики Стиана Сагена.

“Привет, Брайан!

Уверен, что ты здоров, в полном порядке и безопасности, а также – самое главное! – получил мое письмо без значительной задержки. Не вздумай обмануть эти мои надежды!

Последние два дня жил с желанием как можно скорее поделиться с тобой свежими новостями. К сожалению, событий, о которых хочется сообщить, так много, что времени на то, чтобы сесть за почту и рассказать о них, просто не остается.

Несколько дней назад я был вынужден оставить лекции, получив крайне настойчивое предложение принять участие в работе над весьма необычной задачей. Сразу скажу, что предложение поступило от государственной структуры такого уровня, который я даже сейчас не могу охарактеризовать одним словом – с одной стороны это научное подразделение военного ведомства, с другой – какие-то политики и медийщики. Впрочем, здесь это мало кого интересует, так как задача, которой мы занимаемся, носит исключительно гуманитарный характер – есть некий текст, обладающий своеобразным эффектом импринтинга, механизм которого нужно разложить по полочкам.

Заказчик называет текст “троянцем” – к сожалению, это лучшее, что мы можем использовать в настоящий момент, потому, что до сих пор все наши попытки определить суть этого явления заканчиваются на образных метафорах и косвенных аналогиях. И это несмотря на то, что над ним здесь работает немало известных тебе людей. Никогда бы не подумал, что их всех можно собрать под одной крышей – судя по всему, для тех, кто все это организовал, это очень важно. В общем, сам размах происходящего говорит о том, что это отнюдь не рядовая задача.

Учитывая ту секретность, которую служба безопасности нагромодила вокруг нас, я бы, вероятно, не распространялся об этом так подробно, если бы не одно обстоятельство. Здесь собралось много специалистов из совершенно разных областей, мы пытаемся штурмовать задачу

сразу с нескольких направлений, каждый вечер обсуждаем варианты методик – при этом я каждый раз вспоминаю о тебе и понимаю, что эта задача не может тебя не заинтересовать.

Раз "Троянец", то остальная терминология пошла развиваться в том же направлении – наш энциклопедист Тэд Пауэлл (ты с ним, кажется, общался на паре симпозиумов) окрестил это разношерстное сборище "Илионом". Начальство (некто Тайлер Мун, весьма неглупый, но, по-моему, скользкий тип, никогда раньше о нем не слышал) прознало об этом и с радостью ухватилось за этот термин. Теперь наш проект так и называется – проект Илион. Естественно, кое-кто из нас не мог при этом не вспомнить о тебе, потому что – какая Троя без своей Кассандры?

Конечно, учитывая сложившиеся обстоятельства, о твоём присутствии тут можно только мечтать. Тем не менее, будучи твоим другом, я хочу поделиться с тобой темой, которую ты наверняка охарактеризовал бы как "вкусную", если бы уже успел ее распробовать. В любом случае, держать это в секрете бессмысленно, учитывая ее характер распространения (причины поймешь позже, см. вложение).

Сперва я хотел описать своими словами эту задачу, но потом вспомнил о твоей нелюбви к работе с интерпретированным материалом, и решил просто сбросить тебе сырые данные – ознакомься с ними сам. К письму прилагается архив с некоторыми материалами по нашему проекту. В нем ты найдешь материал-источник, предварительные сведения, собранные до формирования нашей группы, а также некоторые результаты, которые нам уже удалось получить. К сожалению, половина из них уже устарела – работа идет настолько интенсивно, что аналитика дополняется каждый час, мы завалены работой, как никогда (массовые тесты, статистический анализ, опросники и т.п.). Проект очень интересный, и чем дальше мы в него погружаемся, тем больше у нас идет голова кругом. Чертовски жаль, что тебя нет среди нас.

Зная твои обстоятельства, на скорый ответ не рассчитываю, однако надеюсь, что в ближайшее время услышу о том, что ты жив-здоров и в безопасности. Возможно, тебя заинтересует вложение, в этом случае поделись своими мыслями на этот счет – твоя интуиция не раз подсказывала отличные идеи. По возможности буду держать тебя в курсе происходящего, хотя регулярной переписки не обещаю – с утра и до вечера мы находимся в условиях, исключающих какие-либо внешние сношения, и лишь на ночь удается вернуться домой, в семью. Ингрид передает тебе привет, дети спрашивали: "когда дядя Брайан пойдет с нами в поход?" Отвечаю им, что сразу после того, как дядя вернется из похода, в котором он находится сейчас.

В том, что твои проблемы разрешатся, я не сомневался никогда, и сейчас продолжаю быть уверенным в неизбежности скорого восстановления твоего status quo и в твоём возвращении в мир науки, в достижении чего тебе гарантирует свою помощь и поддержку неизменный твой друг Стиан."

Дочитав это письмо, Брайан откинулся на спинку и закрыл глаза, вспоминая Стиана. Они были знакомы уже много лет, можно даже сказать, дружили. Брайан часто бывал у них дома, хорошо знал его жену Ингрид – симпатичную шведку, бывшую когда-то мастером спорта и тренером айкидо, а ныне посвятившую себя детям и преданному семье мужу. Сам Стиан – подтянутый, энергичный, но держащий дистанцию с малознакомыми людьми, как и подобает настоящему скандинаву, скрупулезный до педантизма, не раз доказывал окружающим, что в науке можно достичь больших результатов даже не претендуя на гениальность и особые дарования – когда их отсутствие компенсируется упорством и трудолюбием, умноженными на жизнелюбивый оптимизм.

Брайан вернулся к письму и перечитал пару абзацев. Не было никакого сомнения – Стиан делится с ним проблемами в первую очередь потому, что хочет дать ему почувствовать свою нужность, отлично понимая, насколько для него сейчас важно хотя бы косвенным образом прикоснуться к событиям той

среды, доступа к которой он оказался лишен. Вряд ли эта задача анализа текста настолько сложная, чтобы они на самом деле нуждались в посторонней помощи. Впрочем... судя по всему, они с Пауэллом в одной группе, и пишут об одном и том же. Надо будет вечером заглянуть в это вложение. Спасибо тебе, дружище, мы с тобой давно знаем друг друга, ты хорошо понимаешь, чем можно отвлечь мои мысли.

К этому моменту он уже давно вернулся к себе в номер и сейчас лежал на диване, прислушиваясь к тому, как в пансионате наступает очередная – обеденная – активизация жильцов. Брайан не любил есть в ресторане, привыкнув ограничивать свой рацион одним вечерним приемом пищи, поэтому остался в номере, ожидая времени, когда можно будет спуститься за чаем.

Он сознательно откладывал ознакомление с архивом, потому, что боялся разочароваться, боялся, что это окажется заурядная и тривиальная задача, которая еще раз подчеркнет его собственное положение и ту заботу о нем, которую – с неизбежными в таких случаях жалостью и снисхождением – выказывают к нему его лучшие друзья. Впрочем, пусть это будет так – даже в этом случае он будет им благодарен. “Но я не хочу спешить в этом убедиться. Было бы здорово, если бы это действительно оказалось нечто вкусное... Я уже стал забывать, что такое настоящая новая проблема – такая, которая бы заставляла забыть обо всем, что тебя окружает, которая бы приводила то в бешенство от собственного бессилия её понять, то в восторги от минутных иллюзий случившегося прозрения... Кто знает, может быть Пауэлл не врал, говоря мне о том, что проект посвящен чему-то важному. Может быть, его предложение на самом деле продиктовано искренним желанием помочь, а не указаниями людей, стоящими за его спиной... Впрочем, – тут же подумалось Брайану, – одно совершенно не исключало другого: мир не дихотомичен, логическое ИЛИ встречается крайне редко, вместо него мы чаще всего вынуждены выбирать среди бесконечных градаций комбинированных И. Наверное, это лучше, чем наоборот...”

Зная себя, он решил, что лучше всего будет обдумать предложение Пауэлла, не ознакомившись с сутью проблемы – это позволит ему абстрагироваться от содержания проекта, не подпадая под влияние его привлекательности (если она вообще есть). Предположим худшее. То есть лучшее. Предположим, что проект действительно настолько важен и интересен. Может ли он рискнуть, отдавшись в лапы государства, в надежде, что ему поверят, снимут все обвинения и позволят вернуться в нормальную жизнь?

Ну, допустим, ему поверят, допустим, что его включат в группу. Вряд ли это заставит их забыть те инсинуации, которые ему выдвигали, вряд ли это избавит его от подозрений в отношении тех злосчастных форсайтов. Работать на положении подозреваемого, оправдывающегося в том, чего он не совершал? Заранее идти на роль того, кто должен зарабатывать кредит доверия у обвинителей? Он, который обладает презумпцией невиновности, как всякий порядочный человек?... Да, он импульсивно удрал от них, усугубив обвинения в свой адрес, но ведь их бездарные сыщики так и не смогли его поймать! Нет уж – черта с два он пойдет им навстречу! Да и вряд ли эта задача по своей значимости окажется для них важнее подозрений, которые против него были выдвинуты.

В этот момент Брайан понял, что Пауэллу он откажет. Однако это нужно будет сделать максимально тактично, так как – что бы ни стояло за его предложением – о нем не стоило полностью забывать. Брайан отдавал себе отчет, что его собственное положение в любой момент может измениться настолько, что этот вариант он захочет пересмотреть под иным освещением.

А теперь пора ознакомиться с тем, что прислал Стиан. Что это за проблема, для решения которой потребовалось собрать такой букет специалистов?

Все так же скептически улыбаясь, Брайан начал листать материалы по троянцу – первые случаи его проявления, свидетельства опрошенных читателей, предварительные выводы, которые Стиан решил добавить, и, в заключение, сам текст рассказа. В первую же минуту чтения улыбка Брайана

стала шире, но на третьей странице внезапно исчезла. Дальше он изучал отчеты исследователей с асимметричной мимикой – левый уголок рта еще хранил следы скепсиса, но в глазах уже зажегся огонь, который не оставлял никакого сомнения – Стиан не ошибся, прислав ему этот материал.

Несколько часов он, не отрываясь от экрана, изучал присланные материалы, дважды открывал текст с самим рассказом – и оба раза закрывал обратно, словно боясь прикоснуться к нему. Наконец, он принял решение. Спустившись в ресторан, он заказал крепкий чай, не спеша выпил его и вернулся в номер, прихватив с собой плитку черного шоколада. Здесь он наконец-то решился открыть текст троянца.

Прочитав его дважды, Брайан около минуты сидел неподвижно, затем закрыл почту и создал в папке Projects новый раздел: Troy.

Полчаса спустя он отправил ответы обоим. Пауэллу он сообщил о том, что в настоящий момент не может принять предложение по причинам, которые не в его власти (“Пусть понимает это, как хочет” – решил Брайан), но в силу того, что сама эта идея его, Брайана, очень заинтересовала, он просит, по возможности, держать его в курсе происходящего. Написав это, Брайан подумал и добавил: эта просьба актуальна лишь в том случае, если сам Пауэлл не считает себя настолько связанным посторонними факторами, чтобы оказывать Брайану информационную поддержку (“Если за тобой, Тэд, стоят люди в костюмах, они постараются не афишировать этот контроль – и сделать это можно будет одним-единственным способом. А если это твоя личная инициатива, тогда ты тем более не захочешь признавать свою зависимость и подневольность – и не откажешь мне в этой просьбе”).

Письмо Стиану было проще и откровеннее. В нем он искренне благодарил друга за помощь, честно признавался в своем интересе к теме троянца и предлагал свое участие в этой теме – в удаленном режиме и, естественно, не афишируя этого. Брайан почти не сомневался в том, что никто из них не откажет. Он не переоценивал собственную значимость, но чувствовал, что озабоченность, явно прослеживавшаяся в присланных материалах и ощущавшаяся в письмах его друзей, свидетельствовала о том, что они будут приветствовать любую помощь.

Позже, поразмыслив о свойствах троянца, Брайан понял, что для этой озабоченности имеются все основания – если текст действительно способен на подобные трюки, тогда государственным лицам есть, о чем беспокоиться. И, наверное, не только им.

Несмотря на позднее время, ответы от обоих он получил почти сразу. Никто из респондентов не удивился его решению, оба согласились информировать его по мере возможности, выразив надежду на то, что он, в свою очередь, в ответ поделится своими идеями.

Брайан решил пока никому из них не сообщать о наличии у него второго респондента в этой группе.

продолжение следует

© Валентин Лохоня 2021.10.22

<https://nonnihil.net>